

ИСКУССТВО

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л

ГЛАВИСКУСТВА
НАРКОМПРОСА
РСФСР

—и—

3/4

МАЙ
ИЮНЬ

ТЕА · КИНО · ПЕЧАТЬ

1 9 2 9

НИКО ПИРОСМАНИШВИЛИ

Почти непреодолимые препятствия стояли в дореволюционную эпоху перед художником-пролетарием на его пути к культуре и искусству.

Мы высоко ценим редких победителей в этой неравной борьбе, которые от безвестного пролетарского существования поднялись до вершин мировой славы.

Рабочая молодежь с жадностью поглощает не только литературные произведения Максима Горького, но и красочные страницы его боевой и увлекательной биографии, которая служит примером и школой боевой закалки для молодой пролетарской армии, ныне штурмующей позиции культурной революции.

Однако Горький, — редкое и счастливое исключение. Тысячи ярких, способных создать величайшие художественные и культурные ценности, личностей пали в этой неравной борьбе.

Не счесть жертв, раздавленных и на этом отрезке культурной борьбы железной пятой самодержавия, не счесть даром загубленных жизней, и бесчисленных народных талантов-самородков, все стремления которых к творчеству разбились о глухую стену тупости и некультурности дореволюционного быта.

Одним из редких художников-самородков, которые, несмотря на этот гнет, сквозь всю жизнь пронесли не расплескав полную чашу своего творческого горения, — был Нико Пиросманишвили — грузинский художник-самоучка, жизнь и творчество которого является ярким приме-

ром почти мученического подвига борьбы за свое искусство и свидетельством громадной творческой силы, потенциально заложенной в народных низах.

Художественное наследие Пиросманишвили только в самые последние годы получило общественное признание. Однако, за пределами Советской Грузии, вне узкого круга специалистов, имя Пиросманишвили еще совершенно незнакомо. Между тем, давно настало время изучить жизнь и творчество этого художника и ознакомить с ним широкую советскую общественность. Ибо Пиросманишвили дал не только ряд прекрасных художественных произведений, но был и предтечей того национального культурного расцвета прежде угнетавшихся народностей Российской империи, который стал реальным фактом после победы Октябрьской революции.

Вокруг личности этого художника, умершего буквально с голода в 1918 году, так и не дождавшись признания и сносных условий работы, уже теперь в Грузии сплетаются народные легенды.

Скудными сведениями из его жизни мы обязаны художнику Л е - Д а н т ю и братьям Э д а н е в и ч, которые впервые обратили внимание на художника и много труда потратили на собирание его картин и выяснение его биографии.

Известно, что Нико Пиросманишвили родился в 1863 году в Кахетии в селении Мирзаани. Рано оставшись сиротой, Нико воспитывался

Нико Пиросманишвили.

Нищета и богатство

в Тифлисе у некоего военного Калантара, где впервые и начал заниматься живописью. Затем он восемь лет служил на железной дороге кондуктором. Когда болезнь заставила Нико бросить службу, он открыл в Тифлисе молочную и одновременно писал картины, которые раздавал знакомым.

Любовь к француженке, балерине Варьете — «актрисе Маргарите», изображенной на многих его картинах, разоряет Пиросманишвили, и с тех пор начинается скитальческая жизнь художника-профессионала, без всякого проблеска продолжавшаяся до его смерти в 1918 гду.

С чемоданом, на крышке которого был нарисован человек в цилиндре, в руке, переходит Нико Пиросманишвили из духана в духан, всюду за обед и вино расплачиваясь своими картинами.

Сам Нико рассказывал про условия своей работы так: «Лучший заказ был начальника Бакинской ж.-д. станции Кипиани: заплатил 30 руб-

лей. Иногда платят машинисты и в молочных лавках, а вообще работаю за еду».

Таким образом, Пиросманишвили всегда оставался художником народных низов. Пролетарские чайные, трактиры и винные погреба Тифлиса, бесчисленные «Аргентины», «Варяги», «Эльдорадо» и «Белые духаны» были изукрашены его кистью.

Пиросманишвили, который великолепно знал, что существует другой мир, где художник служит предметом внимания «просвещенных кругов», выставляет на выставках, продает свои картины по неизмеримо более высоким ценам, гордился тем, что он расписал все эти духаны.

Уже перед самой кончиной Пиросманишвили говорит посетившему его художнику Ладю-Гудеашвили с гордостью: «А знаете ли вы, что все подвалы Тифлиса я разрисовал?»

Как относились наивные духанщики к его искусству — лучше всего характеризуют слова одно-

го из них, отдававшего принадлежавшую ему картину Пирсманишвили на выставку: «Лучшая вещь будет на вашей выставке», говорил он, «там изображен один князь, который способен за обедом выпить три ведра вина».

К. Зданевич рассказывает со слов Нико Пирсманишвили: «Вот все мои вещи портят: вот, например, эта картина — нарисован заяц. Для чего заяц? Кому нужен? Но просили — нарисуй для моего уважения. Рисую, чтобы не ссориться. Так все картины портят».

«Здесь нельзя хорошо работать», говорил он также часто — «пить заставляют».

И все же только в рассказах друзей духанщиков сохранился скорбный образ этого замечательного человека и одинокого художника-энтузиаста.

«Никола был очень честный человек, бездомный, болезненный, бедный. Много раз приходилось угощать беднягу. Добрый был человек. Ходил оборванный. Очень любил стихи... И вчера вспомнул: если бы наш Никола был теперь жив, украсил бы он эту выбитую стену и отделался бы я дешево. Очень много водки пил бедняга. Говаривал: купите мне краски и напишу картину. И вправду смастерит картину и принесет», — рассказывает один из знавших его духанщиков.

К концу жизни очевидно переполнилось горечью сердце этого простого человека. Сознали — другой духанщик, так описывает его жизнь последних лет: «Приходил ко мне каждый день и садился один за стол, никто не видел его в компании, и угощения ни от кого не принимал, знал грузинскую литературу, любил Важа-Пшавела, сам писал стихи и был поэтом, но тетрадь с ним потерялась. Любил грузин, но не любил власть имущих, полицейских и других. Редко, но жаловался на забвение».

Несмотря на горечь забвения, нищету и отчужденность от художественной среды, Пирсманишвили все

еще верил в братство художников, в своеобразную художественную миссию, стоящую перед всеми художниками в целом. Верил в коллективное творчество и коллективную волю.

В 1916 году художник был приглашен на заседание вновь учрежденного Грузинского общества художников, где сказал: «Вот что нам нужно, братья. Посреди города, чтобы всем было близко, нам нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться: купим большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и искусстве. Вам этого не хочется, вы о другом говорите», — добавил он грустно...

С тех пор Пирсманишвили уже не приходил на собрания художников.

Это был последний удар. Нико почувствовал свою отчужденность, свою обособленность, и когда некоторое время спустя в его тесную каморку пришел художник Лад-Гудеашвили, он его встретил словами: «Как вы пришли? как враг, или как друг?»

Трагизмом проникнуты и последние дни его жизни, о которых рассказывает один из его друзей: «Весной 18 года Пирсманишвили под вечер вошел в подвал на Молоканской улице, № 29, лег спать на пол, он был болен. Через три дня случайно вошел вниз и в тесноте и холоде увидел Нико. Сначала я его не узнал и закричал: «Кто ты?». — «Я», ответил Николай, и я по голосу узнал его. Сам же он не узнал меня, только сказал: «мне плохо, три дня здесь лежу и не могу выйти». Его повезли в больницу, где художник и умер через полтора дня. И имущества от него не осталось...».

В простодушных рассказах духанщиков встает перед нами трогательный образ этого одинокого художника. Встает вся беспросветность дореволюционной жизни, не подарившей гениального художника-самородка ни одной улыбкой счастья. В редких документах и показаниях очевидцев, любовно собранных братьями Здане-

Нико Пиросманишвили.

Коровница

вич, встает вся глубокая правда жизни художника, своим происхождением не причисленного к «избранным мира сего».

Каково же искусство этого художника, несмотря на почти нечеловеческие условия существования, от полноты души щедро расцветившего заплыванные духаны и чайные образцами своего яркого творчества?

Только после Октябрьской революции, обращается серьезное внимание на картины *первого и крупнейшего грузинского национального художника*.

И теперь, когда в Советской Грузии начали собирать работы Нико Пиросманишвили, когда была издана посвященная ему, богато иллюстрированная монография, и общественность Советского Союза впервые ознакомилась на прошлогодней выставке «Ис-

кусства народов СССР» (где Нико Пиросманишвили было отведено почетное место) с его творчеством, мы можем смело сказать, что *живопись Нико Пиросманишвили в области изобразительного искусства — явление европейского масштаба*.

Творчество Пиросманишвили уходит корнями в традиционные грузинские народные мотивы и формы. — Грузинская фреска, вывеска, персидская миниатюра и лубок, орнамент и вышивка — все ожило новой жизнью в станковой живописи Пиросманишвили.

Пиросманишвили органический примитивист и почвенной силой своего примитивизма он оплодотворил молодое грузинское искусство.

Если Руссо — другой примитивист, в старой столице мирового искусства — Париже, в свое время зна-

чительно повлиял на французское искусство; если и доныне рафинированнейшие французские мастера питаются в своем творчестве от внесенной безвестным почтовым чиновником Руссо в живопись, струи примитивизма, то каково должно быть для искусства Советской Грузии значение живописи Пиросманишвили, этого поистине национального художника, которого уже и теперь многие грузинские мастера считают своим учителем!

Живопись Нико Пиросманишвили значительно превосходит картины Руссо по размаху и диапазону творческого охвата. Он сумел в своей живописи отразить не узкий мирок мещанина, а всю полноту типов и сцен грузинского народного быта.

Со времен кубизма художники всего мира добиваются не импрессионической, иллюзорной живописи, а живописи крепко построенной, объемной и убедительной в своей вещественности, передающей внешний мир. Пиросманишвили с удивительной четкостью выразил эту вещественность и трехмерность живописных форм. Он нашел свой острый рисунок и лаконичную и выразительную своеобразную гамму красок.

Формально любопытнее всего, с этой точки зрения, его многочисленные натюр-морты, на которых снедь, бурдюки вина и посуда расставлены в симметричном порядке.

Обычно думают, что такой художник-примитивист творит «из себя» — «нутром» и что он беспрестанно повторяет раз навсегда найденный мотив и формальный прием. — Творчество Пиросманишвили опровергает эту графаретную теорию. Весь творческий путь художника свидетельствует о беспрестанном художественном росте, неутомимых исканиях и сознательном стремлении все более овладеть предметом живописи.

Что Пиросманишвили творил не только интуитивно, свидетельствуют и его, на редкость меткие, суждения о живописи, сохраненные в дневнике

Зданевича. — «Картины бывают разные» — говорил он. «Можно писать целый месяц или даже целый год и все будет, что писать». «Живописцы — это буквописцы и рисовать совсем не умеют», говорил он также, и Пиросманишвили действительно мог гордиться тем, что умел рисовать не как буквописец.

Картины свои Пиросманишвили писал маслом на клеенке, на жести, на картоне, совсем редко на холсте. Число их колоссально. За всю свою плодотворную жизнь он написал более 1000 полотен.

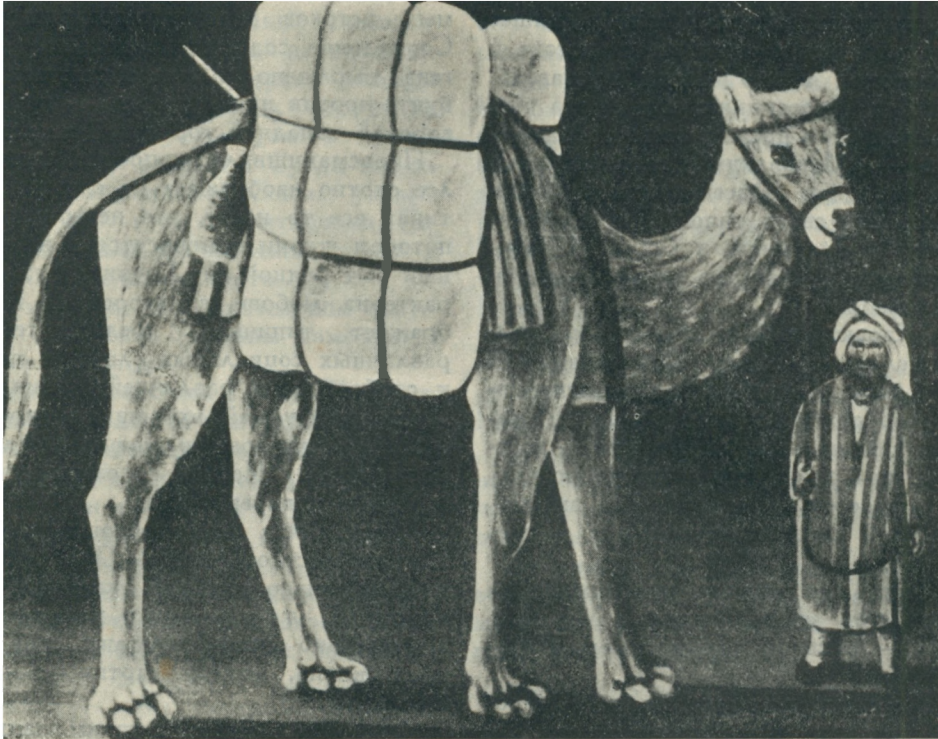
Следует отметить, что Пиросманишвили не замыкался в тесные рамки чисто станкового искусства. Это противоречило бы и формам примитива и тому внутреннему чувству необходимости, общенародности своего искусства, которым был проникнут художник. Пиросманишвили создает целый ряд стеновых росписей, пишет декоративные панно, работает в области живописи на стекле, изготавливает даже вывески, над всем работая с одинаковой любовью.

Вот выписки из дневника Зданевича: «был у Николая утром, Николай сказал, что он сердит на меня за опоздание. Теперь он получил заказ, над которым будет работать, за что получил 60 копеек. Спрашиваю: «Какой?» Показал домовый фонарь, на котором нужно написать — Молоканская, номер и т. д. — и это заказ. — «Как же!.. Если мы не будем работать над низшим, как мы сумеем сделать высшее?».

Пришлось согласиться.

Творчество Пиросманишвили до крайности разнообразно. Тут и различнейшие картины из современного грузинского народного быта, портреты, натюр-морты, пейзажи, многофигурные исторические композиции и картины на темы из грузинской литературы и легенд.

Как Федотову, Пиросманишвили не хватает красок для выражения своей мысли, и он зачастую корявыми буквами подписывает к картине внизу

Нико Пиросманишвили.

Верблюд

объяснение на грузинском языке, иногда приводя и русский перевод.

Социально обличительный уклон одной из своих картин он подчеркивает надписью «Миланер бездетный и бедная с детьми», под пейзажем подписывает: «Охот на оленя». Заказчик Миха Ситашвили. «Тур на гор Выд Черно море. Охота на медведин». (Пиросманишвили самоучкой по купленной книге научился русскому языку и грамоте). Даже под натюрмортом он подписывает «Да здравствуйте хлеба-соляного человека».

Трогательно это стремление объяснить здесь же на картине и русскому и грузину ее содержание в надписях. Надо думать, зная Пиросманишвили больше, он на всех языках мира разъяснял бы смысл своих картин. В наши дни, когда художник отходит от узкого профессионализма, ищет путей наиболее тесного общения со своим

зрителем, стремится к наиболее тесному слиянию с обществом и внедрению своих произведений в быт, пример Пиросманишвили становится особенно ценным.

В особенности богато отразил Пиросманишвили в своих картинах быт современной ему Грузии. Он дает типы и сцены из жизни всех слоев населения. Много пиршественных мотивов. Тут и пирушка тифлисских кинтов, вроде «Кутежа кинто с органщиком Датико Земель» и «Обед с граммофоном тифлисских торговцев» и «Пир трех князей на лугу».

Сельская жизнь дана в картинах из деревенского трудового быта — «Молотьба», «Сбор винограда» и пр.

Пиросманишвили берется и за широкие национальные темы. Он создает прекрасную историческую картину «Георгий Саакадзе спасает Грузию от врагов», «Шате указывает князя Борац-

кому дорога поймать Шамиля», пишет иллюстрации к «Родине» Эристова и «Барсовой коже» Шота Руставели. Однако, Пиросманишвили всегда чувствовал себя прежде всего горожанином — «Моколаки» и город встает в его картинах во всей пестроте и многообразии своих типов. Тут и духанщики, и дворники, и купцы, и рабочий люд, и «веселые девы» из садов Ортачалы.

(Характерный штрих: в своих многочисленных картинах, посвященных этой теме, Пиросманишвили неизменно изображает на плече у дев из садов Ортачалы птичку, к пению которой дева как будто зачарованно прислушивается — изящный и выразительный символ легкомыслия и красоты).

Такая же птичка изображена на портрете «Танцовщицы Маргариты» — роковой любви самого Пиросманишвили.

Все новое в городском быту Пиросманишвили немедленно отражал в своих картинах и даже в 18 году, перед самой смертью, он пишет картину: «Новая санитина базарник», изображающую санитарную надсмотрщицу при осмотре продуктов в лавке.

Так одинокий художник — скиталец Пиросманишвили всегда остается глубоко народным художником, далеким от всякой келейности и узости, тесно связанным со всем потоком народной жизни и чувств.

Творчество Пиросманишвили настолько значительное явление в области изобразительного искусства, что ему надо найти особое место среди имен и течений мирового искусства.

Между гогеновским примитивизмом и примитивизмом Пиросманишвили дистанция громаднейшего масштаба — Гоген уходит от противоречий западного буржуазного быта к истокам первобытного творчества, перелагая свою тоску по примитивной цельности таитянской экзотики.

Пиросманишвили ни от чего и никуда не бежит, всегда оставаясь у са-

мых истоков народного творчества. Социальное содержание исканий Гогена выражено в мелкобуржуазном бунте против цивилизации, — противоречий западной городской жизни.

Пиросманишвили, напротив, наиболее охотно изображает на своих картинах все то новое, что неутомимым потоком жизни привносится в народный быт родной ему Грузии. Тут характерна любовь, с которой он изображает типичных представителей различных социальных слоев, и тяга к отображению различнейших индустриальных вещей, входящих в народный быт или возбуждающих его любопытство. (Поезда, граммофоны, воздушные шары и т. д.).

Здесь точка соприкосновения между творчеством Руссо и Пиросманишвили, однако, как уже указывалось, искусство грузинского художника значительно шире и богаче отображает жизнь, нежели картины Анри Руссо.

Руссо ограничивается узким станковизмом, Пиросманишвили прибегает к различнейшим средствам художественного оформления быта. Еще больше общего у Пиросманишвили с мексиканским художником — революционером Диего Ривера.

Ривера получил художественную закалку в парижских мастерских и тем не менее он идет на вторую классовую выучку к революционным рабочим и крестьянам Мексики, которые ему подсказывают формы и содержание его революционной фресковой живописи.

Ривера, так же, как и Пиросманишвили, создает не отвлеченный живописный язык примитивизма, а национально и социально ярко окрашенное искусство, играющее активную роль в жизни, быту и революционной борьбе его народа.

Надо думать, доживи Пиросманишвили до наших дней, и его искусство с такой же непосредственностью и правдивостью отразило бы революционную борьбу и новую жизнь Советской Грузии.

Здоровый органический примитивизм, окрашенный струей народной самобытности, оплодотворяет молодое искусство национальных республик, пробужденных революцией к новому культурному расцвету. Среди национальных художников Союза, указавших на этот путь примитивизма, Пиросманишвили принадлежит первое и наиболее почетное место.

В молодом изобразительном искусстве Советской Украины намечаются те же тенденции.

Если в Советской Грузии Пиросманишвили является учителем пока еще немногочисленных молодых художников, то на Украине таким учителем является Тимко Бойчук — также художник-самоучка с до странности схожей с Пиросманишвили судьбой.

«Бойчукизм» за последние годы вырос в крупнейшее украинское художественное течение, впервые объединив-

шее широкие национальные художественные силы.

Это родство путей художественного возрождения двух крупнейших национальных республик Союза свидетельствует о глубокой социальной обусловленности появления таких художников, как Нико Пиросманишвили и Тимко Бойчук.

Десять лет прошло со дня смерти Нико Пиросманишвили. Произведения художника, умиравшего с голоду в царской России, любовно собираются его учениками и украшают новую Национальную Галерею Грузии.

Однако, наследие этого своеобразного и яркого художника еще до сих пор слишком мало знакомо широкой общественности.

По своему значению оно заслуживает того, чтобы его знал всякий, кому близки и дороги судьбы молодого советского искусства.

А. АЛЬФ

Нико Пиросманишвили.

Пир трех князей

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

А. СВИДЕРСКИЙ. К вопросу об очередных задачах Главискусства	3
П. С. КОГАН. Г. А. Х. Н. и наши художественные выступления за границей . . .	10
ГУГО ГУППЕРТ. Онопэ Домье	16

Документы и характеристики

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Мои встречи с Львом Николаевичем Толстым	28
П. ЩЕГОЛЕВ. Материальный быт Пушкина	39
ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ. Годы странствий	50

Театр

МАКС РЕЙНГАРДТ. Актер	61
Р. ПИКЕЛЬ. Новая пьеса Булгакова „Бег“	66
А. ТОЛСТОЙ. Сцены из пьесы „О Петре“	76

Национальное искусство в СССР

И. БОРОЗДИН. Проблемы изучения художественной культуры советского востока .	88
ВАСИЛИЙ БЕЛЯЕВ. Изобразительное искусство Бурят-Монголии	98
А. АЛЬФ. Нико Пироманишвили	106

Кино

Л. СУХАРЕВСКИЙ. Проблема художественности в культурфильме	114
---	-----

Музыка

Н. БРЮСОВА. Музыка в творчестве Валерия Брюсова	123
---	-----

Архитектура

Н. ДОКУЧАЕВ. Корбюзье-Соньс	129
В. ВОЛЬКЕНШТЕЙН. Эстетика машин и конструктивной архитектуры	141

Обзоры

ИСИДОР КЛЕЙНЕР. Украинский театр	150
С. ФИЛИНСКИЙ. Польский пролетариат в борьбе за революционный театр	159

*

ХРОНИКА ЗАПАДА	162
ХРОНИКА СССР	165

ОБЛОЖКА И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РАБОТЫ Б. Б. ТИТОВА